

1996 №15

ПОЭЗИЯ * ЦИРК * ДАДДИЗМ

НИКОЛАЙ ЗВЯГИНЦЕВ

* * *

Услули в Харькове перед югом
Моя лиса, её проводник,
Возня мышьяная нижних юбок,
Коробка прозы и болтовни.

На лике Таврики след солёный.
Возможно встать на пустой мешок,
Ловить тепло для мышей-полёвок
В забытый севером кашпоном.

Имея светлый участок кожи,
Октаву выше цепочку вод,
Для всех понучиков и прохожих
Топила в городе поплавок.

Хотела плавиться, просыпаться,
Питаться выстрелами веста.
Как белый бант на фаланге пальца,
Как вишня с косточкой пополам.
1994

* * *

Дарю вам сумерки левее пассажира,
Пустое зеркало, зеленое на нем,
Где, даже выгнувшись, как первая
пружина,
Не надо чокаться страховочным
ремнём.

Где даже влага с запрокинутых
тарелок -

Как будто музыки на ботах нанесут.

Но если выглянуть, то спутники
стареют,

Бегут на фары, как животные в лесу.
1994

* * *

Суета стрекозки, глоток малаги.
Так бывает зябко при ловле моли
В городах с распахнутыми полами,
Где полоска ткани на месте моря.

Мы уже расходимся по приделам.
Позади ракушечник и простуда,
Чешуя осеннего поведения
До того робевшего вхолостую.

На пути от острова до Джанкоя,
Где плывут без компаса и журнала,
Полагаясь пробочку и осколок

С одному известными стремениами,

Голоса слогов на клочке картона,
Где кричат стекольники, а за ними
Бесконечный парусник в левом доме,
Голова Германшка за двойными.
1994

* * *

Крона любимая, нота до.
Мальчик мой восвал с обложкой.
А блюще с кожинею плодов,
Как номер бабочки каталожный.

Дайте мне избежать игры
С рукой холодною, как фасета,
Когда засмотришься мимо крыш,
Смущаясь хозяйна и соседа.

Белый сыр и лесной орех,
Снегу на кукурузный початок!
Она пыгается в октябре
Пойти в растения без перчаток.

А это масляное молоко,
Поиски шороха у перчатых.
1994

"МАЯКОВСКАЯ"

Особые права и прятники на
сдачу
У серых ездоков и палевых
собак,

Где просто не смотреть, как некая заплачет,
Как чиркает крыло по чутким коробам.

Но радует глаза черёмуховой пашпирь,
На уровне лица полковничий кадык,
Когда ты там внизу становишься на пальцы,
Стараясь не достать неровностей воды.
1994

* * *

Бывает луна и простая победа,
Когда шестистит опрокинутый ковшик,
Как ласковый дождь ежегодных побелок,
Как если не видеть гусиную кожу.

Взглянула в окно и поранила руку.
Там маленький лучик на шкурке банана.
Там дольки торга не хватают до круга
И кто-то спешит за двумя сторонами,

Спасая закрылки, проходит погоду
Под циркульной тканью, как между
ножами.

Но нашего дома такие протоны,
На каждой ступеньке стоят горожане.
1994

* * *

Ты проходишь свои Звонарные,
Словно стигбы в размер конверта,
Словно ищешь себе напарника,
Привыкая ко влаге сверху.

Это осени шубка пятая,
Воротник на втором балконе,
Где выюлка борода лопатого
Среди спешенных или конных.

О сестрёнка, опять напомнила
За несбывшуюся посуду -
Наполняется снегом комната,
Разбегаются стрелы суток.
1994

* * *

У Вас неплохие кухонные сети,
Слова "посмотрим" и "похрустим",
Рой башмаков в начале беседы,
Двое оглянутся из пяти.

Встречающие Вас молодые люди,
У них вокзал и fete d'estaunac,
Сумерки с лапою или клювом,
Только что выпавшая зима.

Там листья заглавные и пробелы,
Овцы и кролика полный зал,
Но как нам свидетелься в чёрно-белом
С повисшей паузой, как марзан,

Где можно писать и читать курешном,
Вдвоем раскручивать колесо,
Где Вы целуетесь с тёртым сыром
До чашки сахарной полосой.
1994

* * *

Обещаю писать, остающийся я,
Как лосиная муха была яггарём,
О проходе луны с бахромой по краям,
Об охоте на лужки с ручным фонарём.

Но, хватая железо трамвайной лозы,
Мы заходим попарно и рядом встаём
У передней двери, как внутри стрекозы,
Где слетается осень в почтовый бульон.
1994

* * *

Где замысливатель суффиксов и скобок
Увидал на подоконнике футляр,
Он завидовал охотнику Лескову,
Как во Львовe убегал от патруля.

Где бессонница с собачьими глазами
В лифте падает, как запонки с манжет,
Хвастал дружбою с начальником вокзала
Рыбых косточек и стреляных пыжей.

А казалось наблюдателю Дамаска:
Он учёный приграничной полосы
С мезонина, где достоинства и масти,
Снеготаянья аптечные весы.
1994

* * *

О, белевая скорлупа,
Как буквы через два пробела,
Как столбик шахматный упал,
Где мыслил быстрюю победу.

Возьми соколынический зонг
В лесной асфальтовый овражек,
Где лето дразнится козой,
Вручивши мальчику поклажу.

Это как колесо на стык
Или, зажмурясь, с головою,
С одной балтийской высоты
В ещё незнаемую воду.
1994

* * *

В конце зимы любимая дверь,
Где я во сне потерял колено,
Где между рам Антиной, Север,
Чужая пенная королева.

Вот весь в снегу перронный билет.
Пустите в плен прошлогодней шубы,
Где грудка рыкает, аки лев,
Вторая пуговка кажет зубы.

Помимо яблок или конфет
Я так хотел, чтоб это случилось
У наших ног во второй строфе
Одежных праздников и починок.

Но бывший юг и небесный шум,
Когда я падал в конце романа
В том самом месте, где парашют,
Как будто мальчик ногою маму.
1994

* * *

Попробуй на зубок движение расчёски,
Невидимое здесь и ровное внизу,
Для видевших тебя на поле Каланчёвском
Искавшей для себя пустую полосу.

Есть город Ливерпуль за пятнышком
Варшавы,
Побеги и плоды невзданных рассад.
Там мышка побежит от мельничного
шара,
Запутается дом в намокших волосах.

Настолько далеко, что букваца литая
Быстрее долетит, чем ты по проводам,
Где столько фонарей московского Китая,
Распахнутый халат, под вёслами вода.

Приляг на локоток, приветствуя пехоту,
Ушедшие часы и чистый колосник,
Подфросток-потолок охотничьего хода,
Где видели меня в падении блесны.
1995

* * *

Украинская сметана, мой любимый
замполит!
Спигирева капитана зима хочет
застрелить.

А он пальцами обрывок, будто кожу на
руке,
Как проскакивает рыба сквозь подземный
турникет.
1995

А